

УДК-328(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-58-73

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ДЕПУТАТАМИ
ФРАКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА**

К. А. Сулимов, О. А. Сычев, К. И. Белоусов

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, заведующий кафедрой политических наук,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135).

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела,

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Барнаул, Россия.

E-mail: osn1@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0373-6916).

Белоусов Константин Игоревич, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: belousovki@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4447-1288).

Аннотация

Представлены результаты исследования особенностей использования моральной лексики депутатами фракций Государственной думы. Концептуальную основу исследования составила разработанная в США теория моральных оснований, раскрывающая разницу моральных основ консервативной и либеральной политической идеологии. Наряду с основными положениями теории подробно рассмотрены особенности российского политико-идеологического пространства и политической практики, ограничивающие возможности её применения в российских условиях. Тексты всех выступлений депутатов Государственной думы 4–7 созывов были обработаны методом компьютерного контент-анализа с помощью словаря моральных оснований в программе LIWC2015. Результаты анализа продемонстрировали, что в выступлениях парламентской фракции ЕР существенно чаще (в сравнении с другими фракциями) используется лексика морального основания «Уважение» – этот факт отражает свойственный ей «административный» консерватизм, выражающий особенности ее политико-административного статуса как партии власти. В целом, представленные в Думе партии больше тяготеют к «спланиваемым» (группоцентрическим), а не «индивидуализирующим» моральным основаниям, что соответствует стереотипным представлениям о значимости соответствующих ценностей в российском контексте. Результаты исследования свидетельствуют о перспективности основанного на теории моральных оснований подхода к исследованию общественно-политического дискурса с использованием компьютерного контент-анализа моральной лексики.

Ключевые слова: депутаты; политические партии; фракции; Государственная дума; теория моральных оснований; мораль; политические идеологии и предпочтения; контент-анализ.

Интерес к ценностным и моральным основам идеологических предпочтений и политических взглядов возник и интенсивно развивался в США в течение последних десятилетий. В 1992 г. известный деятель республиканской партии П. Бьюкенен вызвал большой общественный резонанс своим выступлением о «культурной войне» в американском обществе (Buchanan, 1992). Основой высказанных политиком идей стала вышедшая годом ранее работа Дж. Хантера (Hunter, 1991). По мнению Дж. Хантера и П. Бьюкенена идейное противостояние консерваторов (традиционалистов) и либералов (прогрессистов) отражает глубокие различия в их моральных нормах и ценностях. Традициона-

листы ориентированы на христианские ценности и строгие нормы сексуального поведения, традиционную семью и установленные общественные институты. Прогрессисты поддерживают аморальные с консервативной точки зрения общественные явления, связанные с защитой прав личности (такие как гомосексуальные отношения, право женщин на аборт и т.п.), стремятся к переменам, подрыву традиционных ценностей и социальных институтов.

Систематическое исследование ценностных основ предпочтения либеральной или консервативной политической идеологии было осуществлено в рамках теории моральных оснований, разработанной в исследованиях Дж. Хайдта и его коллег (Graham et al., 2018, 2011, 2009). Одним из наиболее важных отличий этой теории от других подходов стало признание плюралистической природы морали, проявляющейся в наличии целого ряда моральных устоев, которые, несмотря на кросс-культурную универсальность, могут быть в разной мере значимы в разных культурах и сообществах.

Центральное место в данном подходе занимает понятие «моральные основания», которое используется для обозначения базовых составляющих моральной сферы, предоставляющих основания для моральной оценки поступков и событий. Хотя моральные основания можно соотнести с нравственными ценностями или моральными устоями, их психологическая структура сложна и включает в себя не только ценности, но и определенные эмоции, установки, когнитивные структуры, физиологические реакции, а также речевые стили (Graham et al., 2013). Выделенные на основе ряда критериев пять моральных оснований можно условно сгруппировать в две категории: этику автономии и этику сообщества. Этика сообщества включает моральные основания, поощряющие преданность своей группе (моральное основание «лояльность»), уважение её традиций и лидеров («уважение»), почитание религиозных и национальных святынь («чистота/святость»). Этика автономии отражает моральные основания, связанные с защитой благополучия (моральное основание «забота») и прав («справедливость») личности.

Гипотеза моральных оснований, которая пытается объяснить идеологические различия либералов и консерваторов, заключается в том, что мораль либералов опирается преимущественно на моральные основания заботы/непричинения вреда и справедливости, в то время как консервативная мораль является более широкой, включающей наряду с указанными, ещё и моральные основания лояльности своей группе, уважения авторитетов и традиций, а также чистоты и почитания святынь (Frimer, 2020; Graham et al., 2009). Иными словами, для либералов имеет значение лишь этика автономии личности (при значительно меньшей субъективной важности других моральных оснований), в то время как для консерваторов важна как этика автономии, так и этика сообщества.

Гипотеза моральных оснований нашла достаточно убедительные подтверждения в целом ряде исследований, проведенных с помощью опросных методов, начиная со статьи авторов данной гипотезы (Graham et al., 2009), где предпочитаемая политическая идеология оценивалась лишь в целом, и заканчивая множеством более частных исследований, где изучалась связь моральных оснований с консервативными или либеральными взглядами на различные частные проблемы (Kertzer et al., 2014; Koleva et al., 2012; Silver & Silver, 2017). Недавний метаанализ, обобщающий полученные на 89 выборах результаты опросных исследований, свидетельствует о подтверждении гипотезы моральных оснований, несмотря на обнаруженную довольно существенную вариацию величины эффекта в разных культурах и странах (Kivikangas et al., 2021).

В пользу гипотезы моральных оснований свидетельствуют также результаты исследований связи моральных оснований с электоральными предпочтениями. К примеру, в США было показано наличие связи между профилем моральных оснований избирателей и их намерением голосовать за кандидата в президенты от соответствующей политической партии (Franks & Scherr, 2015). Связи моральных оснований с поддержкой тех или иных парламентских партий были выявлены в Италии (Milesi, 2017) и Турции (Yilmaz et al., 2016). Хотя большая часть подобных результатов получена в США и странах Западной Европы имеются также некоторые российские данные о связи моральных оснований с социально-политическими взглядами. В частности, этика автономии («Забота» и «Справедливость») в выборке российской молодежи демонстрирует связь с озабоченностью вопросами бедности и справедливости оплаты труда, демократии и свободы слова. При этом этика сообщества («Лояльность», «Уважение» и «Чистота») сочетается с озабоченностью вопросами патриотизма и единства в обществе и поддержкой роста затрат на оборону, обеспокоенностью действиями внешних или внутренних врагов и убежденностью в важной роли религии в жизни общества (Сычев и др., 2019). В другом исследовании была показана связь моральных оснований с внешнеполитическими установками российской молодежи: этика автономии поддерживает установку на международное

сотрудничество, в то время как этика сообщества – установку на вооруженное соперничество (Сычев, Протасова, 2021).

Хотя результаты, полученные с помощью опросных методов, достаточно убедительно свидетельствуют о связи моральных оснований с политическими взглядами и идеологическими предпочтениями, попытки проверки гипотезы моральных оснований на разнообразном речевом материале привели к менее однозначным выводам. В первом подобном исследовании его авторы отказались от попыток анализа речей политиков ввиду того, что эти речи содержат «так много политических предложений и моральных воззваний к политическому центру страны, что извлечь определенное моральное содержание с помощью простой процедуры подсчета слов представлялось невозможным» (Graham et al., 2009, p. 1038). В качестве более простого и доступного материала для анализа использовался текст проповедей в Унитарианской (относительно либеральной) и Баптистской (относительно консервативной) церквях. Для проведения контент-анализа этого материала был составлен словарь моральных оснований (Moral Foundations Dictionary, MFD) путем экспертного отбора лексики из общих словарей (Graham et al., 2009). Анализ текста проповедей с помощью этого словаря включал процедуру автоматического подсчета частоты категорий, соответствующих моральным основаниям, с последующей экспертной валидизацией, включавшей оценку соответствия словоупотреблений в контексте содержания моральных оснований. Результаты анализа показали, что гипотеза подтверждается для всех моральных оснований, кроме лояльности: в Унитарианских проповедях чаще использовалась лексика моральных оснований «Забота», «Справедливость» и (вопреки ожиданиям) «Лояльность», в то время как в проповедях Баптистов чаще использовалась лексика моральных оснований «Уважение» и «Чистота».

Проведенная спустя десять лет серия исследований Дж. Фримера (Frimer, 2020) была направлена на оценку воспроизводимости этих результатов на материале религиозных, политических текстов (в том числе стенограммах выступлений в конгрессе) и материалах СМИ с использованием как оригинального словаря моральных оснований (Graham et al., 2009), так и существенно расширенной новой версии словаря исключительно посредством компьютерного контент-анализа без экспертной валидизации. Обобщенная оценка по всем типам текстов показала, что в пользу гипотезы моральных оснований свидетельствует обнаружившаяся большая частота использования консерваторами лексики моральных оснований «Уважение» и «Чистота», однако ей противоречит выявленная меньшая частота использования ими лексики морального уважения «Лояльность». При этом по лексике моральных оснований «Забота» и «Справедливость» выявить предсказанных гипотезой различий не удалось. Существенным представляется также тот факт, что по оценке Дж. Фримера (Frimer, 2020) величина эффекта моральных оснований на политическую идеологию оказалась значительно ниже, чем в оригинальном исследовании Дж. Грехема с соавторами (Graham et al., 2009).

В отношении парламентских речей наибольший интерес в работе Дж. Фримера (Frimer, 2020) представляют результаты исследования, посвященного анализу текстов выступлений в Сенате и Палате представителей Конгресса США. С помощью первой версии словаря моральных оснований было выявлено, что консервативные политики отличаются меньшей частотой использования лексики моральных оснований «Забота», «Справедливость» и «Чистота». При этом с помощью расширенной версии словаря обнаружилось, что представители республиканской партии реже использовали лексику моральных оснований «Забота», «Справедливость» и «Лояльность» при большей частоте использования лексики морального основания «Уважение».

Теория моральных оснований в анализе российского партийно-идеологического пространства

В данной статье теория моральных оснований и специально разработанный на ее основе инструментарий применяется к анализу публичных выступлений депутатов Государственной думы. У такого применения есть ряд серьезных ограничений, но, как представляется, и интересные возможности. Ограничения определяются, во-первых, спецификой конфигурации российского политико-идеологического пространства в целом, во-вторых, иной, в сравнении с Соединенными Штатами, ролью идей и идеологических воззрений в российской политической практике и, в-третьих, сложившейся и устойчивой на протяжении последних четырех созывов партийно-фракционной структурой Думы, состоящей из доминирующей партии власти и трех партий системной оппозиции.

Российская партийно-идеологическая конфигурация скорее следует европейской континентальной традиции, отличающейся от североамериканской по нескольким важным параметрам, например, значимой роли «левых» в лице социалистов, социал-демократов и иногда коммунистов. Ее

нельзя свести к противостоянию либерализма и консерватизма, тем более, что и они в европейских вариантах отличаются от американских явлений. Но и сама европейская традиция усвоена и представлена в актуальном российском настоящем своеобразным образом. Идеологические концепты переносились на российскую почву во-многом механическим образом, не оформляли имеющиеся расколы и потому не могли в полной мере играть роль собственно политического ориентира (Малинова, 2001). Партии и их создатели активно экспериментировали с наборами идеологических терминов. Например, «Единая Россия» одно время на программном уровне увлекалась консерватизмом (Гончаров, 2010), при этом существовал и «либеральный клуб» партии, шли дискуссии о ее лево-правой ориентации, но к настоящему времени эти увлечения прошли. Идеологию КПРФ иногда обозначают как «левый консерватизм», соединяющий несовместимые с традиционной точки зрения идеологические содержания и ценности – коммунистические и дореволюционные ценности, советский и русский традиционализм (Работяжев, 2014). Низкая значимость идей в становлении и развитии российского политического режима (Gel'man, 2015) и российских политических практик в целом давала простор как для идеологических экспериментов и нестандартных конструкторов, так и для безболезненного отказа от них. Общим местом являются утверждения о непрограммном характере выборов в России. Партийная идентификация и устойчивость идеологических воззрений российского электората находятся на низком уровне (Голосов, Григорьев, 2015). У партий слабые стимулы к использованию идеологий как политических инструментов. А это ставит под вопрос необходимость для них иметь внятный идеологический профиль, укладывающийся в какую-то понятную им самим и внешним наблюдателям и консенсусно принимаемую схему различения идеологий и соответствующих ориентаций. Слабость стимулов не означает их полное отсутствие, но системы стимулов у партий разные. Можно предполагать, что в отношении партий, представленных в Государственной думе, различия определяются их местом в партийно-политической конфигурации в контуре авторитарного политического режима. Собственная идеологическая идентичность партии власти – как опоры президента в парламенте и на выборах (Голосов, Лихтенштейн, 2001) – всегда под вопросом в силу инструментальности ее роли и необходимости консолидировать большинство. А оппозиционные партии, рассчитывающие попасть в парламент в условиях контролируемых выборов, вынуждены решать дилемму – их риторика, в которой проявляются и идеологические ориентации, должна отличать их от других партий, но при этом не должна ставить под сомнение сами основы политического режима, чтобы не закрыть себе доступ к электоральному полю (подробнее см.: Панов, Сулимов, 2021). Это одновременно и заставляет их иметь собственный идеологический профиль, и накладывает ограничения на степень его внятности и определенности. Собственно, каждая из партий так называемой системной оппозиции каким-то образом решает эту дилемму.

Таким образом, мы не можем напрямую переносить на российский материал схему связи между моральными основаниями и идеологиями, выработанную на материале Соединенных Штатов: этика автономии личности – либерализм, этика сообщества – консерватизм. Более того, в российском партийно-идеологическом контексте проблематичной представляется и установление однозначной связи между конкретными моральными основаниями и партийными идеологическими ориентациями в силу относительной аморфности последних, а также недостаточной структурированности и внятности идеологического ландшафта в целом. Однако невнятность идеологического облика политических партий в России заставляет искать иные варианты установления и описания их различий, не сводящихся к различиям их мест и ролей в партийной системе и отношении к политическому режиму. Теория моральных оснований и разработанный на ее основе инструментарий дает возможность заглянуть «вглубь», опуститься ниже уровня рефлексивно контролируемых и ограниченных условиями авторитарного политического режима политических ориентаций. Нас интересует выявление с помощью данного инструментария значимых различий между политическими партиями, притом таких, которые поддаются осмысленной интерпретации.

Пленарные заседания Государственной думы предоставляют продуктивный материал для такого анализа. В техническом плане стенограммы заседаний дают большой объем однородных текстовых данных для контент-анализа. В содержательном отношении парламентская арена, не являясь электоральной площадкой как таковой, все же может быть использована для разъяснения политических позиций и результатов голосования другим партиям, широкой публике и избирателям (Proksch & Slapin, 2012), то есть дает пространство для выражения позиций, которые могут иметь различающиеся «моральные основания».

Исходя из партийно-идеологической и политической специфики российского контекста, мы предполагаем, что, во-первых, одна из пяти категорий моральных оснований, а именно «Чистота»

окажется самой редкой и сильно уступающей по частоте остальным. Причина такого ожидания в том, что в российской публично-политической риторике религиозная тематика занимает, хоть и заметное, но все же очень ограниченное место в силу того, что российское общество намного более секулярное, нежели, в среднем, американское. И при обсуждении нормативных вопросов в Государственной думе партии едва ли часто используют термины из этой области. Во-вторых, соответственно, мы ожидаем, что остальные четыре категории окажутся более частотными, но с преобладанием категорий этики сообщества – «Лояльность» и «Уважение» как более «групповых» / «коллективистских» в сравнении с индивидуализирующими категориями этики автономии личности – «Забота» и «Справедливость». Наконец, в-третьих, мы ожидаем, что «Единая Россия» будет значимо отличаться от других партий по большей частоте использования ее представителями лексики морального основания «Уважение». Это предположение стыкуется с вышеупомянутыми результатами исследования Дж. Фримера (Frimer, 2020), согласно которым республиканцы с большей частотой используют лексику морального основания «Уважение», что согласуется с гипотезой моральных оснований – в этом проявляется их консерватизм¹. Однако в случае с «Единой Россией» наша логика несколько другая. Эта партия значимо отличается от остальных тем, что является партией власти, то есть инструментом доминирования президента в парламенте, что снижает ее идеологическую самостоятельность, но при этом повышает администрирующую значимость² и связанность с исполнительной властью. Поэтому словоупотребления, объединяемые категорией «Уважение» (см. подробности ниже) должны быть более характерны именно для ее депутатов. Соответственно, гипотеза моральных оснований в данном случае несколько трансформируется. Большая частота использования лексики «Уважение» если и указывает на консерватизм, то специфического толка – «административного», что, впрочем, не исключает его истолкования и как морального консерватизма.

Методы и данные исследования

Материал для исследования представляет собой стенограммы заседаний Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации с четвертого по седьмой созывы, находящиеся в свободном доступе на официальном интернет-портале Государственной думы³. Так как нас интересуют, в том числе, партийно-фракционные различия, то для анализа были взяты тексты выступлений депутатов начиная с четвертого созыва⁴, поскольку актуальная партийная структура российского парламента (доминирующая «Единая Россия» и три партии системной оппозиции) сложилась именно в нем. Общий объем проанализированного материала составил 25 051 338 словоупотреблений (распределение по фракциям и созывам см. в табл. 1). Анализ проводился по четырем основным фракциям, присутствовавшим в Государственной думе всех созывов с четвертого по седьмой.

В ходе подготовки материала к анализу из него были удалены упоминания имен собственных «Справедливая Россия⁵», «Родина» и «Народно-Патриотический союз» во всех падежных формах ввиду того, что они содержат единицы анализа по категориям «Справедливость» и «Лояльность», демонстрируя при этом высокую частоту использования, поскольку при объявлении каждого выступающего указывается его принадлежность к фракции. Текст стенограмм был разбит на 16 файлов, каждый из которых содержал выступления одной из четырех фракций в одном из четырех созывов.

Основным методом данного исследования стал контент-анализ, представляющий собой метод качественно-количественного анализа содержания текстовых материалов (Krippendorff, 2004). Основным преимуществом контент-анализа выступает возможность использования естественных текстовых данных, полнее (в сравнении с результатами самоотчетных методик) отражающих индивиду-

¹ Кроме того, республиканцы реже используют лексику моральных оснований «Забота», «Справедливость» и «Лояльность», но в отношении первых двух мы ожидаем, что они и для других фракций окажутся менее значимы, а лояльность, отсылающая к групповым ценностям, будет высоко значимой для всех.

² Представители ЕР занимают большинство руководящих постов в Думе, например, они численно доминируют в руководстве комитетов, в четвертом и пятом созывах – абсолютно, в пятом и шестом – руководили примерно половиной комитетов.

³ База данных стенограмм заседаний Государственной думы. [электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

⁴ 4-й (2003–2007), 5-й (2007–2011), 6-й (2011–2016) и 7-й (2016–2019) – отсечение по 2019 г. определено временем извлечения материалов из базы Государственной думы.

⁵ Хотя в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации IV созыва фракция носила полное название «Справедливая Россия — „Родина“ (народно-патриотический союз)» в дальнейшем для краткости будем называть её фракцией «Справедливая Россия» (СР).

альные мнения. Ввиду значительного объема материала, подлежащего анализу, здесь использовался компьютерный контент-анализ (ККА), который, несмотря на некоторые упрощения в сравнении с экспертным анализом, позволяет осуществить кодирование больших объемов текста с минимальными затратами (Шалак, 2004). Процедура кодирования включает подсчет единиц анализа (в качестве которых в ККА обычно выступает слово), входящих в выражающие теоретические и целевые установки исследователя категории анализа.

Контент-анализ проводился в программе LIWC2015 v1.6 (Pennebaker et al., 2015) с использованием русскоязычного словаря моральных оснований, разработанного нами ранее (Сычев, Белоусов, 2021) на основе англоязычной версии (Graham et al., 2009). Русскоязычный словарь моральных оснований включает 443 единицы анализа, каждая из которых представляет собой либо слово целиком, либо, чаще всего, неизменяемую основу, с заменой изменяемой части (которая может быть пустой) символом «*», например, «забот*». Каждая из единиц анализа в словаре отнесена к одной из 11 первичных категорий словаря:

1. «Забота» (в неё входят, например, «безопасн*», «защи*», «помог*», «помощ*», «сострада*», «сочувств*», «спаса*», «человечн*» и др. единицы счета).
2. «Вред» (примеры: «бессердечн*», «войн*», «жесток*», «насил*», «обид*», «опасн*», «пытк*», «разруш*», «уничтож*» и др.).
3. «Справедливость» (примеры: «взаимн*», «объективн*», «правосуд*», «право», «равноправ*», «толерант*», «честн*» и др.).
4. «Несправедливость» (примеры: «лжив*», «необъективн*», «неравенств*», «предубежден*», «пристрастн*», «тенденциозн*», «унизительн*» и др.).
5. «Лояльность» (примеры: «групп*», «единство», «коллектив*», «нацио*», «отчизн*», «преданн*», «патриот*», «общественн*», «союз*», «сторонник*» и др.).
6. «Нелояльность» (примеры: «враг*», «дезертир*», «изменник*», «иммигрант*», «индивидуалист*», «иностранный*», «предатель*», «шпион*» и др.).
7. «Уважение» (примеры: «авторитет*», «должност*», «законн*», «иерарх*», «командир*», «лидер*», «правител*», «подчин*», «порядок», «почтен*», «руководит*», «статус*», «традиц*» и др.).
8. «Неуважение» (примеры: «бунт*», «возраж*», «восстани*», «дерзк*», «диссидент*», «мятеж*», «незаконн*», «неповин*», «протест*», «повстан*», «неподчин*», «подстрекат*», «хамств*» и др.).
9. «Чистота» (примеры: «безгреш*», «благородн*», «благочест*», «добродетел*», «нравственн*», «праведн*», «свящ*», «стыд*», «церков*» и др.).
10. «Порочность» (примеры: «безнравственн*», «богохуль*», «вульгарн*», «грех*», «кощунств*», «непристойн*», «неподобающ*», «пороч*», «пошлы*», «развращ*», «распущенн*» и др.).
11. «Мораль» (например, «аморальн*», «достойн*», «зло», «идеал*», «совест*», «ценност*», «этич*» и др.).

Все категории, за исключением последней, образуют пять пар, каждая из которых соответствует одному моральному основанию, причем внутри пары категории имеют противоположную модальность. Например, категории «Забота» и «Вред», соответствуют моральному основанию «Забота», указывая на важность норм заботы и непричинения вреда, а также значимость нарушения этих норм для говорящего.

Поскольку подлежащий анализу материал представляет собой протокол множества устных выступлений, каждое из которых начинается с уважительного обращения к руководству и присутствующим (например: «Уважаемый Борис Николаевич, уважаемые коллеги!»), то частота категории «Уважение» в ходе предварительного анализа показала сильную связь с посторонним фактором — количеством выступлений депутатов той или иной фракции. Чтобы устранить влияние этого вмешивающегося фактора из словаря моральных оснований были удалены прилагательные «уважаемый», «глубокоуважаемый», «многоуважаемый» со всеми их падежными и родовыми формами, так что они не учитывались в ходе анализа.

В ходе анализа программа разбивала текстовый файл на сегменты заранее определенной длины и для каждого из сегментов подсчитывала относительную частоту (число употреблений соответствующих слов, деленную на общее число слов в выступлениях данной фракции в данном созыве) по каждой из 11 первичных категорий словаря. Категория «Мораль» не использовалась в дальнейшем анализе, так как она не связана с каким-либо отдельным моральным основанием. Предварительный

анализ по оставшимся десяти категориям показал, что частотность категорий, отражающих нарушение соответствующих норм, была значительно ниже, чем частота парной категории противоположной модальности, связанной с одобрением норм. По этой причине, а также ввиду отсутствия теоретических оснований для отдельного анализа подкатегорий и громоздкости подобного анализа было проведено суммирование внутри пар, в результате чего были получены оценки относительной частоты для пяти моральных оснований. Таким образом, в данном исследовании, так же как и в других аналогичных работах (Frimer, 2020; Graham et al., 2009), анализ и интерпретация результатов контент-анализа проводились по пяти обобщенным категориям, соответствующим моральным основаниям.

Длина сегмента, выступающего в качестве элемента выборки, была выбрана равной 10 000 слов в отличие от аналогичного зарубежного исследования Дж. Фримера, где длина сегмента составляла 1 000 слов (Frimer, 2020). Увеличение размера сегмента позволило, во-первых, благодаря большому объему текстовых материалов получить достаточный, но при этом не слишком большой объем выборки для каждой из фракций в каждом созыве (от 50 до 292 сегментов, см. подробнее в табл. 1). Во-вторых, благодаря большой величине сегмента удалось в некоторой мере преодолеть проблему высокого числа нулевых оценок категорий и несколько сгладить асимметрию распределения частот.

Статистический анализ результатов проводился в среде статистического анализа R. Ввиду асимметричности распределений частот для оценки влияния фракции на среднюю частоту моральных категорий использовался непараметрический аналог дисперсионного анализа – критерий Краскела-Уоллиса, демонстрирующий в подобных условиях большую мощность и не требующий подтверждения предположений о форме или параметрах распределений (Неске, 2012). На основе величины критерия были определены значения размера эффекта, дающие оценку доли дисперсии, объясняемой данным фактором (Tomczak & Tomczak, 2014). Для попарного сравнения фракций между собой применялся критерий Вилкоксона с использованием поправки на множественные сравнения Бенджамини-Хохберга (Benjamini & Hochberg, 1995).

Ввиду большого числа проведенных статистических тестов для коррекции на множественные сравнения в данном исследовании использовался достаточно консервативный уровень значимости: $p < 0,0001$. С учетом значительного числа выявленных эффектов в данном исследовании подробно рассматривались те результаты, которые указывают на большой размер эффекта: для доли объясняемой дисперсии в дисперсионном анализе это соответствует значениям от 0,14 (Cohen, 1988).

Результаты

В таблице 1 представлены основные количественные характеристики проанализированного материала: общее число слов в каждом фрагменте, соответствующем определенной фракции и созыву, число сегментов, на которые был разбит этот фрагмент, число выступлений депутатов и среднее число слов, приходящееся на одно выступление. Можно отметить, что среднее число слов на одно выступление довольно значительно варьируется от 135,77 до 240,97 слов, причем в среднем по всем созывам наименьшая длина выступлений (146,47 слов) характерна для фракции ЕР, несколько большая – для фракции КПРФ (174,09) ещё большая – для СР (209,51) и максимальная – для ЛДПР (223,55). Сравнение средних относительных частот по моральным основаниям демонстрирует, что наиболее распространенной является категория «Уважение», наименее – «Чистота», в то время как другие категории имеют промежуточные показатели частотности.

Таблица 1

Количественные характеристики проанализированного материала

Фракция, созыв	Число словоупотреблений	Число выступлений	Среднее число слов на выступление	Число сегментов <i>N</i>
ЕР, 4	2450191	17655	138,78	246
ЕР, 5	2591984	17870	145,05	260
ЕР, 6	2913857	18687	155,93	292
ЕР, 7	1993825	13644	146,13	200
КПРФ, 4	1215295	8951	135,77	122
КПРФ, 5	1756679	10990	159,84	176

Окончание табл. 1

Фракция, созыв	Число словоупотреблений	Число выступлений	Среднее число слов на выступление	Число сегментов N
КПРФ, 6	1952017	10237	190,68	196
КПРФ, 7	895641	4264	210,05	90
ЛДПР, 4	744037	3765	197,62	75
ЛДПР, 5	1458374	6052	240,97	146
ЛДПР, 6	2049683	8837	231,94	205
ЛДПР, 7	1053876	4712	223,66	106
СР, 4	499869	2977	167,91	50
СР, 5	1038988	4633	224,26	104
СР, 6	1606231	7561	212,44	161
СР, 7	830791	3559	233,43	84

Примечания. Обозначения фракций: ЕР — Единая Россия, КПРФ — Коммунистическая партия Российской Федерации, ЛДПР — Либерально-демократическая партия России, СР — Справедливая Россия.

С целью обобщенной количественной характеристики использования различных моральных категорий в текстах выступлений были вычислены средние значения и стандартные отклонения по каждому из моральных оснований, представленные в табл. 2. Из таблицы видно, что наиболее частой категорией, демонстрирующей при этом довольно существенную вариацию по фракциям, является «Уважение», наиболее редкой – «Чистота».

Таблица 2

Средние значения и стандартные отклонения относительной частоты словоупотреблений в каждой из категорий контент-анализа

Фракция, созыв	Средние значения (и стандартные отклонения) по категориям:				
	Забота	Справедливость	Лояльность	Уважение	Чистота
ЕР, 4	0,39 (0,18)	0,22 (0,08)	0,43 (0,18)	2,15 (0,41)	0,04 (0,03)
ЕР, 5	0,41 (0,17)	0,23 (0,08)	0,40 (0,17)	2,02 (0,35)	0,04 (0,03)
ЕР, 6	0,42 (0,17)	0,25 (0,09)	0,44 (0,17)	1,77 (0,33)	0,04 (0,03)
ЕР, 7	0,44 (0,18)	0,21 (0,08)	0,42 (0,16)	1,69 (0,31)	0,03 (0,03)
КПРФ, 4	0,46 (0,15)	0,21 (0,08)	0,42 (0,13)	1,46 (0,24)	0,10 (0,05)
КПРФ, 5	0,47 (0,15)	0,18 (0,07)	0,39 (0,12)	1,41 (0,25)	0,08 (0,04)
КПРФ, 6	0,47 (0,16)	0,21 (0,08)	0,43 (0,14)	1,40 (0,24)	0,08 (0,04)
КПРФ, 7	0,46 (0,17)	0,21 (0,08)	0,44 (0,14)	1,30 (0,26)	0,06 (0,03)
ЛДПР, 4	0,60 (0,16)	0,17 (0,07)	0,43 (0,11)	1,25 (0,23)	0,11 (0,05)
ЛДПР, 5	0,58 (0,19)	0,21 (0,08)	0,41 (0,14)	1,18 (0,25)	0,10 (0,04)
ЛДПР, 6	0,49 (0,15)	0,21 (0,08)	0,43 (0,15)	1,22 (0,23)	0,08 (0,05)
ЛДПР, 7	0,45 (0,16)	0,18 (0,07)	0,38 (0,10)	1,20 (0,22)	0,05 (0,03)
СР, 4	0,47 (0,17)	0,22 (0,09)	0,50 (0,14)	1,54 (0,25)	0,13 (0,08)
СР, 5	0,56 (0,21)	0,23 (0,09)	0,50 (0,18)	1,32 (0,26)	0,09 (0,05)
СР, 6	0,43 (0,14)	0,22 (0,10)	0,44 (0,17)	1,32 (0,26)	0,07 (0,04)
СР, 7	0,42 (0,16)	0,22 (0,09)	0,35 (0,11)	1,27 (0,22)	0,06 (0,04)

Примечания. Обозначения фракций те же, что и в табл. 1. Средние значения и стандартные отклонения (в скобках) приведены в процентах.

Результаты анализа влияния фактора «Фракция» на частоту использования лексики различных моральных оснований

Моральные основания	Созыв	Число сегментов N	Критерий Краскела-Уоллиса $\chi^2(3)$	p -значение	Размер эффекта
Забота	4	493	90,28	<0,0001	0,18
Справедливость	4	493	25,24	<0,0001	0,05
Лояльность	4	493	17,42	0,0006	0,03
Уважение	4	493	303,37	<0,0001	0,61
Чистота	4	493	227,25	<0,0001	0,46
Забота	5	686	100,74	<0,0001	0,14
Справедливость	5	686	49,51	<0,0001	0,07
Лояльность	5	686	30,5	<0,0001	0,04
Уважение	5	686	413,25	<0,0001	0,60
Чистота	5	686	210,51	<0,0001	0,30
Забота	6	854	38,48	<0,0001	0,04
Справедливость	6	854	39,63	<0,0001	0,04
Лояльность	6	854	0,77	0,8568	<0,01
Уважение	6	854	336,16	<0,0001	0,39
Чистота	6	854	181,53	<0,0001	0,21
Забота	7	480	4,14	0,2472	<0,01
Справедливость	7	480	13,6	0,0035	0,02
Лояльность	7	480	22,18	<0,0001	0,04
Уважение	7	480	202,69	<0,0001	0,42
Чистота	7	480	86,3	<0,0001	0,18

Примечание. Полужирным шрифтом выделены значения размера эффекта, указывающие на его большую величину ($\geq 0,14$).

Чтобы оценить статистическую значимость и силу влияния фактора «Фракция» на использование лексики различных моральных оснований для каждого созыва и по каждой из категорий был вычислен критерий Краскела-Уоллиса вместе с соответствующим ему показателем величины эффекта (см. табл. 3). Результаты такого анализа свидетельствуют о том, что эффект фракции на частоту использования лексики моральных оснований в большинстве случаев является статистически значимым. Вместе с тем большой величины достигают лишь эффекты фракции на моральное основание «Забота» в четвертом и пятом созывах, а также на моральные основания «Уважение» и «Чистота» во всех созывах.

Для иллюстрации эффекта фракции на использование лексики морального основания «Забота» была построена соответствующая диаграмма размаха (рис. 1), из которой следует, что в четвертом и пятом созывах лексика заботы реже всего использовалась фракцией ЕР и чаще всего – фракцией ЛДПР, в то время как в последующих созывах эти различия сгладились. В четвертом созыве фракция ЛДПР по этому показателю превосходит все другие фракции, а фракция ЕР отстает по нему от ЛДПР и КПРФ (все различия значимы при $p \leq 0,0001$). В пятом созыве ЛДПР превосходит по этому показателю ЕР и КПРФ, а ЕР отстает от всех остальных (все при $p \leq 0,0001$).

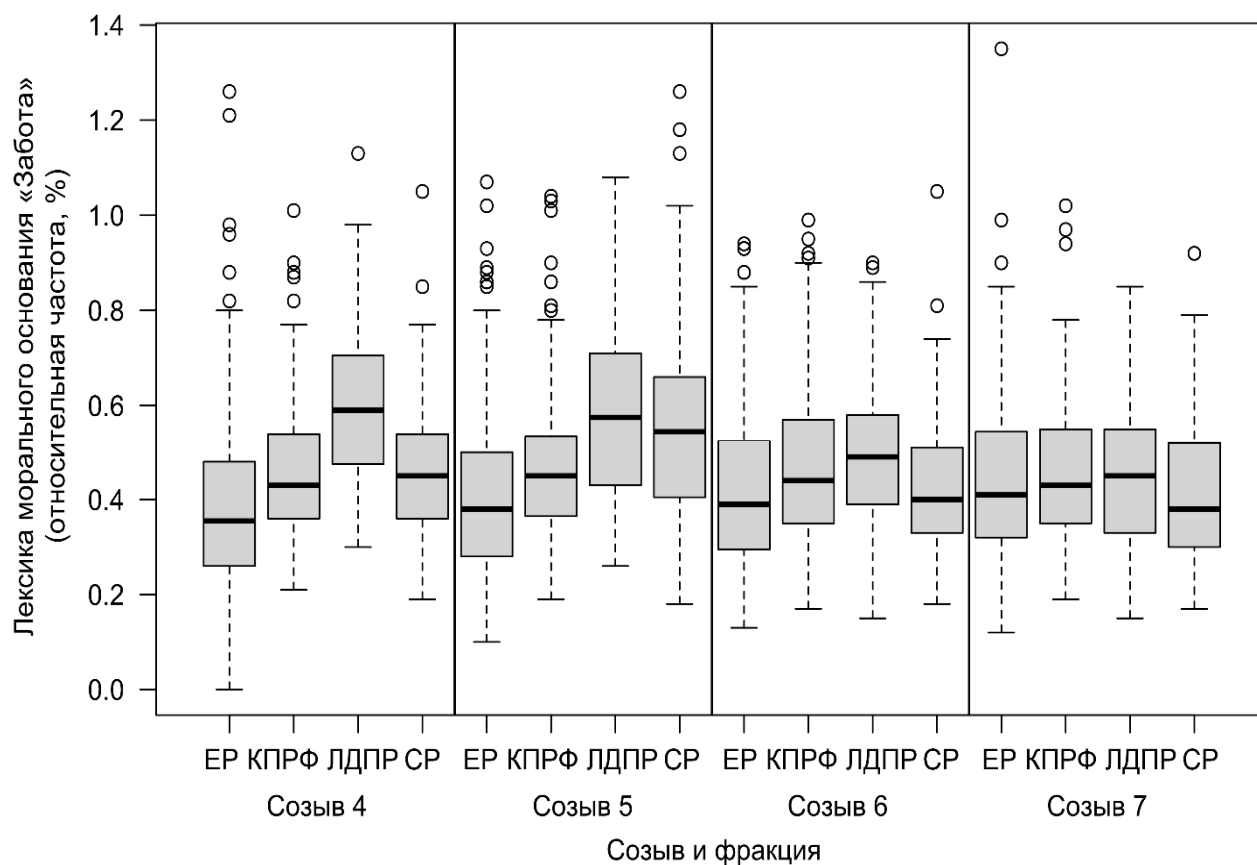

Рис. 1. Диаграммы размаха относительных частот лексики морального основания «Забота» по фракциям и созывам

Примечание: горизонтальная линия отражает медианное значение, верхняя и нижняя границы прямоугольников указывают на верхний и нижний квартиль, горизонтальные отрезки на краях штриховой линии отражают минимальное и максимальное значения без учета выбросов, точки за этими пределами соответствуют выбросам.

Эффект фракции на частоту использования лексики морального основания «Уважение» является наибольшим по величине и весьма устойчивым, он наблюдается во всех созывах (см. рис. 2) и имеет единообразную форму – фракция ЕР демонстрирует наиболее частое использование такой лексики (во всех созывах отличие от каждой из остальных фракций значимо при $p \leq 0,0001$). При этом наименее частое использование лексики уважения характерно для ЛДПР, однако различия статистически значимы в седьмом созыве только с ЕР, в шестом созыве – с ЕР и КПРФ, в четвертом и пятом созывах – со всеми остальными фракциями.

Менее выраженный, но все же довольно сильный эффект фракции на использование лексики морального основания «Чистота» также наблюдается во всех созывах (см. рис. 3). Статистически значимым на выбранном уровне значимости ($p < 0,0001$) является только отличие по этому параметру фракции ЕР от всех других фракций в каждом созыве, причем для фракции ЕР использование лексики морального основания «Чистота» наименее характерно.

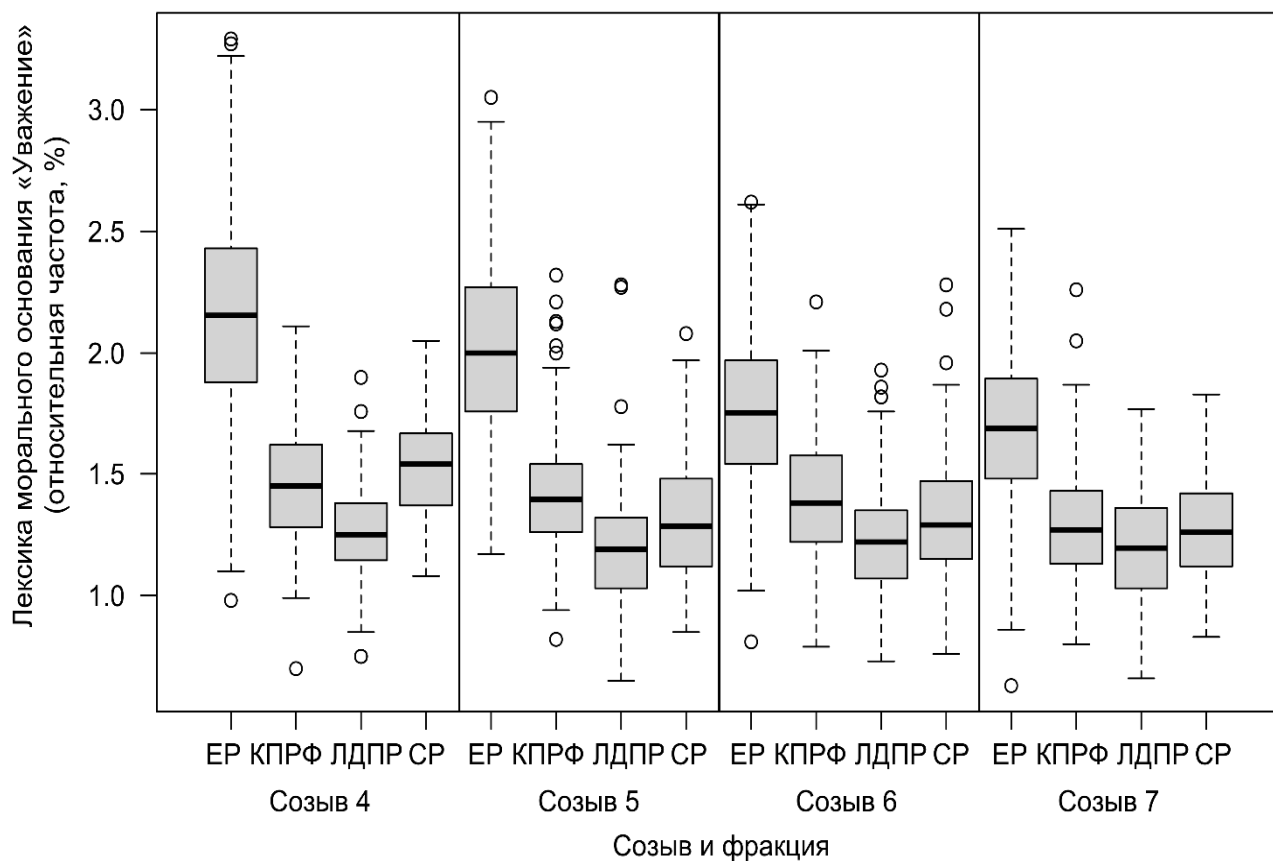

Рис. 2. Диаграммы размаха относительных частот лексики морального основания «Уважение» по фракциям и созывам

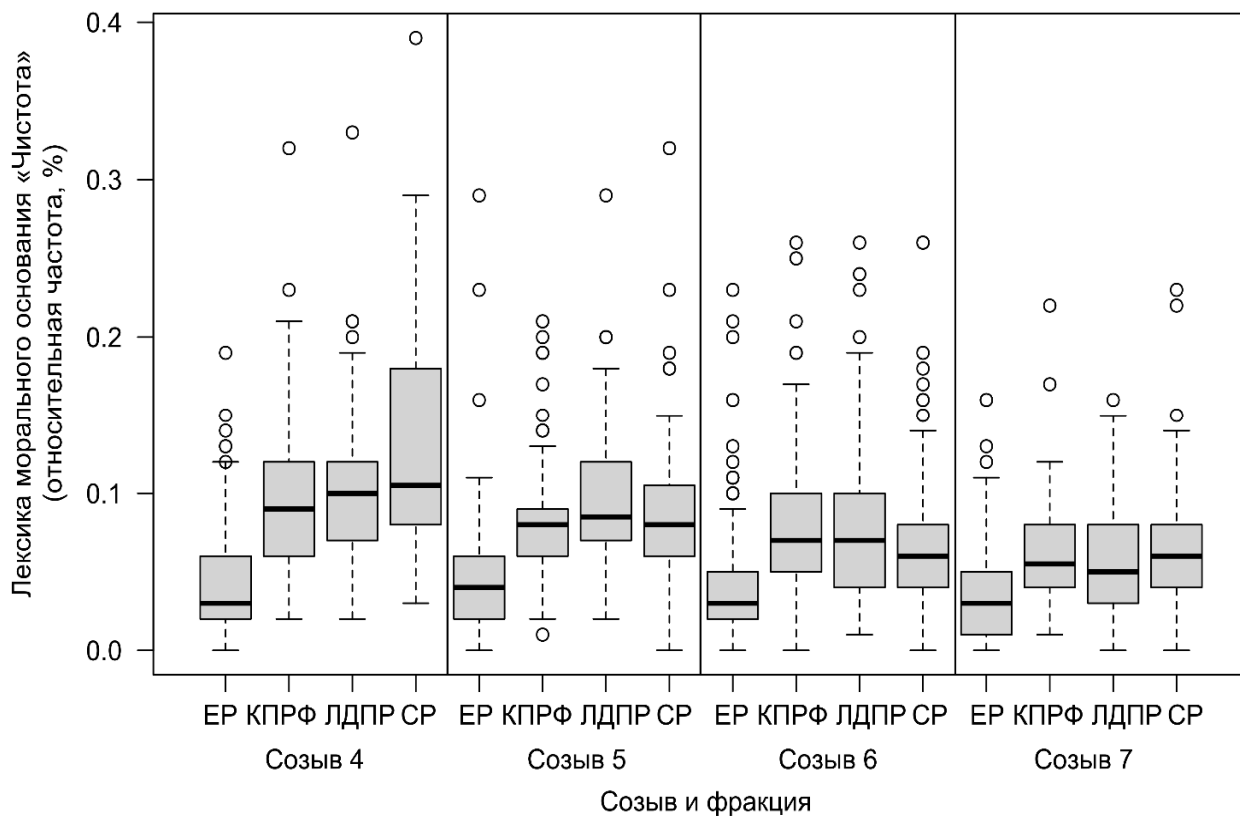

Рис. 3. Диаграммы размаха относительных частот лексики морального основания «Чистота» по фракциям и созывам

Переходя к интерпретации полученных результатов, можно сделать следующие выводы. Устойчивая, повторяющаяся на протяжении четырех созывов тенденция, проявляющаяся в относительно высокой частоте использования лексики морального основания «Уважение» в выступлениях депутатов фракции ЕР, является наиболее яркой из обнаруженных особенностей использования моральной лексики в межфракционном измерении. Это совпадает с нашими ожиданиями, основанными на том, что «Единая Россия» является партией власти. Именно этим можно объяснить то, что ее представители в своей лексике проявляют сильную ориентацию на иерархическую структуру общества, законность и порядок, уважение традиций и признанных авторитетов. Фракция этой партии является самой значимой в Думе в административно-управленческом смысле, то есть именно ее депутаты в большей мере, чем другие, обеспечивают реализацию функциональных задач парламента в целом, то есть в их лексике проявляется не только или не столько идеологический профиль самой партии (определенность которого все-таки под большим вопросом), а восприятие ими своего места и задач в общей системе власти, по крайней мере законодательной. Подтверждение большей административной ориентации публичного говорения депутатов от ЕР можно увидеть в размерах (длине) их выступлений. Они самые короткие – в среднем по всем созывам всего 146,47 слов (это меньше текущего абзаца данной статьи до данного места), сильно уступая всем остальным (среднее значение для КПРФ несильно выше, но по созывам виден серьезный рост, а у ЕР изменений фактически нет, см. табл. 1). Это можно интерпретировать таким образом, что в своих выступлениях депутаты от ЕР больше ориентированы на рутину законодательного процесса – представить законопроект и коротко ответить на вопросы по нему (это делают представители профильных/ответственных комитетов, где доминируют представители этой фракции), не отвлекаясь на избыточное с точки зрения целевой функции говорение и аргументацию. Соответственно, можно думать, что в этом также проявляется меньшая заинтересованность депутатов от ЕР в использовании пленарных заседаний для публичного, то есть адресатам за пределами Думы, представления своих позиций по разным вопросам. Возможно, с этим также связано и то, что ожидаемо низкое для всех фракций употребление лексики моральных оснований «Чистота» наиболее значимо проявилось именно у представителей фракции ЕР. То есть «Единая Россия» оказалась самой «секулярной» партией из всех, представленных в Думе, что вполне стыкуется с обозначенной технической логикой – для в целом малозначимой для всех фракций лексики в выступлениях депутатов от ЕР просто не остается места и ее использование носит совсем случайный характер. Но также, если оставаться в терминологии консерватизма, это может подчеркивать именно административный характер консерватизма «Единой России».

В целом подтвердились наши ожидания, касающиеся распределения частот использования лексики этики сообщества и этики автономии личности. Категории первой – «Лояльность» и «Уважение» – взятые вместе намного превосходят частоту использования всеми фракциями лексики моральных оснований «Забота» и «Справедливость». Партии, представленные в Думе, явным образом больше тяготеют к «групповым», а не «индивидуализирующим» моральным основаниям, что вполне соответствует общераспространенным, стереотипным представлениям о значимости соответствующих ценностей в российском контексте, и партии воплощают их в своей лексике. Но есть значимые различия между категориями и фракциями. Сравнительно самой высокочастотной является лексика морального основания «Уважение», и депутаты от ЕР превосходят здесь всех остальных. Лексика «Лояльность» сильно уступает по частоте и распределена между фракциями очень ровно, ее все среднеактивно используют. Таким образом, ориентация на иерархическую структуру общества, законность и порядок, уважение традиций и признанных авторитетов («Уважение») значима для всех фракций больше, чем ориентация на групповую в узком смысле категорию («Лояльность»). Иначе говоря, для фракций более значим не общественный, групповой характер социальной жизни как таковой – это для них общее место, а определенная форма его структурирования на основе порядка, иерархии и авторитета. Но также необходимо допустить, что явное преобладание «Уважения» над «Лояльностью» может быть связано с функциональными особенностями публичного говорения в Думе – разумеется, не только депутаты ЕР представляют законопроекты и предметно ориентированы на государственное нормативное регулирование конкретных сфер и областей.

Однако все же можно думать, исходя из общей логики функционирования партий системной оппозиции, что их представители больше заинтересованы в использовании пленарных заседаний для публичного представления своих взглядов по разным вопросам и собственного позиционирования в глазах внешних наблюдателей. Полученные результаты действительно показывают некоторые различия между фракциями, но в целом они довольно смазанные и трудно интерпретируемые. Например, лексика «Справедливость» довольно ровно и не очень частотно используется представителями раз-

ных фракций. При этом то, что ее меньше всех использует ЛДПР, можно разумно интерпретировать, но то, что показатели КПРФ оказались почти такими же, входит в противоречие с ожиданиями. Возможно, эта категория, построенная в логике защиты прав личности, не подходит для выявления различий между партиями в российском контексте.

Наиболее своеобразный профиль использования моральных оснований демонстрирует ЛДПР. Депутаты этой фракции показывают наименьшую частоту использования лексики морального основания «Уважение», при том, что в четвертом и пятом созывах они одновременно демонстрировали высокую частоту использования лексики «Забота». С одной стороны, это может рассматриваться в качестве свидетельства несколько более индивидуализирующего моральный и идеологический профиль партии, проявляющийся в большем внимании к защите интересов личности вместо акцента на «общественных интересах», свойственного более «коллективистски» ориентированным политическим силам. Вместе с тем выявленные особенности использования лексики моральных оснований могут указывать также на более выраженную готовность использовать площадку Государственной думы как публичную арену, проявляющуюся в эксплуатации эмоционально-окрашенных тем, связанных с необходимостью оказания помощи, защиты, решения частных проблем, в сочетании с меньшим уважением к порядку, признанным авторитетам, сложившимся нормам и традициям. Подтверждением этому может служить и максимальная среди всех фракций средняя длина выступлений.

* * *

В представленном исследовании тестировались возможности использования теории моральных оснований и разработанного на ее основе инструментария для анализа публичного говорения депутатов Государственной думы. Ожидания теории, сформулированной на материале Соединенных Штатов, были несколько трансформированы для учета специфики конфигурации российского политико-идеологического пространства и иной, в сравнении с Соединенными Штатами, ролью идей и идеологических воззрений в российской политической практике. Также было учтено влияние партийно-фракционной структуры Думы и распределения функциональных ролей партий – наличия доминирующей партии власти и трех партий системной оппозиции.

Ограничения исследования связаны, в первую очередь, с ограниченностью возможностей компьютерного контент-анализа, подробнее рассмотренной в различных публикациях (Norr et al., 2020; Krippendorff, 2004). В отношении данного исследования, в первую очередь, значение имеют такие недостатки этой процедуры, как игнорирование контекста и полисемии, невозможность учета тесной смысловой взаимосвязи моральных оснований, недостаточная обоснованность состава словаря моральных оснований, в сочетании со скудностью данных о его валидности и полноте.

Тем не менее, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что в выступлениях парламентской фракции ЕР проявляются особенности ее политико-административного статуса как партии власти: большая частота использования лексики морального основания «Уважение», что может указывать на ее консерватизм специфического толка – «административный» консерватизм. Также установлено, что партии, представленные в Думе, явным образом больше тяготеют к «сплывающим», группоцентрическим, а не «индивидуализирующим» моральным основаниям, что вполне соответствует общераспространенным, стереотипным представлениям о значимости соответствующих ценностей в российском контексте, и партии воплощают их в своей лексике.

Результаты исследования также свидетельствуют о перспективности основанного на теории моральных оснований подхода к исследованию общественно-политического дискурса с использованием компьютерного контент-анализа моральной лексики. Перспективы данного исследования связаны с возможностью сравнения моральных основ идеологий различных российских политических партий и движений посредством обращения к анализу их программных документов, агитационных материалов и других доступных текстов.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00624 «Будущее России: содержание, смыслы и границы национального согласия».

Список литературы / References

- Голосов, Г. В., Григорьев, В. С. (2015) 'Национализация партийной системы: российская специфика', *Политическая наука*, 1, сс. 128–156. [Golosov, G. V., Grigor'ev, V. S. (2015) 'Party System Nationalization: The Case of Russia' [Natsionalizatsiya partiinoi sistemy: rossiiskaya spetsifika], *Political Science*, 1, pp. 128–156. (In Russ.)].
- Голосов, Г. В., Лихтенштейн, А. В. (2001) "«Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 6–14. [Golosov, G. V., Liechtenstein, A. V. (2001) 'The «Power Parties» and the Russian Institutional Design: Theoretical Analysis' ["Partii vlasti" i rossiiskii institutsional'nyi dizain: teoreticheskii analiz], *Polis. Political Studies*, 1, сс. 6–14. (In Russ.)].
- Гончаров, В. Э. (2010) 'Идеологический брендинг «Единой России»', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 6 (1), сс. 68–82. [Goncharov, V. E. (2010), 'Ideological branding of United Russia' [Ideologicheskii brending «Edinoi Rossii»], *Political Expertise: POLITEX*, 6 (1), pp. 68–82. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2001) 'Партийные идеологии в России: атрибут или антураж?', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 97–106. [Malinova, O. Yu. (2001) 'Party ideologies in Russia: An attribute or entourage?' [Partiinye ideologii v Rossii: atribut ili anturazh?], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 97–106. (In Russ.)].
- Панов, П. В., Сулимов, К. А. (2021) 'Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: конвергенция публичной риторики', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13 (4), сс. 516–535. [Panov, P. V. and Sulimov, K. A. (2021) 'Party of power and systemic opposition in the State Duma: Toward convergence of public rhetoric' [Partiya vlasti i sistemnaya oppositsiya v Gosudarstvennoi Dume: konvergentsiya publichnoi ritoriki], *Ars Administrandi*, 13 (4), pp. 516–535. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-4-516-535.
- Работяжев, Н. В. (2014) 'Между традицией и утопией: левый консерватизм в России', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 114–130. [Rabotyazhev, N. V. (2014) 'Between tradition and utopia: Left-wing conservatism in Russia' [Mezhdu traditsiei i utopiei: levyy konservatizm v Rossii], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 114–130. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.08.
- Сычев, О. А., Белоусов, К. И. (2021) 'Связь этики автономии и этики сообщества с представлениями россиян о Родине', *Сибирский психологический журнал*, 80, сс. 107–127. [Sychev, O. A., Belousov, K. I. (2021) 'Association of the Individualizing and Binding Moral Foundations with Conceptions of Motherland in Russia' [Svyaz' ehtiki avtonomii i ehtiki soobshchestva s predstavleniyami rossiyan o Rodine], *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 80, pp. 107–127. (In Russ.)]. DOI: 10.17223/17267080/80/6.
- Сычев, О. А., Белоусов, К. И., Протасова, И. Н. (2019) 'Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи', *Сибирский психологический журнал*, 73, сс. 60–77. [Sychev, O. A., Belousov, K. I. & Protasova, I. N. (2019) 'Values and Moral Foundations as a Basis for the Socio-Political Views of Youth' [Tsennostnye i moral'nye osnovy sotsial'no-politicheskikh vzglyadov molodezhi], *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 73, pp. 60–77. (In Russ.)]. DOI: 10.17223/17267080/73/4.
- Сычев, О. А., Протасова, И. Н. (2021) 'Связь этики автономии, этики сообщества и национализма с внешнеполитическими установками россиян', *Социальная психология и общество*, 12(4), сс. 53–70. [Sychev, O. A., Protasova, I. N. (2021) 'Relationship of Ethic of Autonomy, Community and Nationalism to Russians' Foreign Policy Attitudes' [Svyaz' ehtiki avtonomii, ehtiki soobshchestva i natsionalizma s vneshnepoliticheskimi ustanovkami rossiyan], *Social psychology and society*, 12(4), pp. 53–70. (In Russ.)]. DOI: 10.17759/sps.2021120404.
- Шалак, В. И. (2004) *Современный контент-анализ*. Москва: Омега-Л, 272 с. [Shalak, V. I. (2004) *Modern content*

- analysis* [Sovremennyy kontent-analiz]. Moscow: Omega-L, 272 p.
- Benjamini, Y., Hochberg, Y. (1995) 'Controlling the False Discovery Rate: A Practical and Powerful Approach to Multiple Testing', *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological)*, 57, pp. 289–300. DOI: 10.1111/j.2517-6161.1995.tb02031.x.
- Buchanan, P. J. (1992) '1992 Republican National Convention Speech [WWW Document]', *Patrick J. Buchanan – Official Website*. URL <http://buchanan.org/blog/1992-republican-national-convention-speech-148> (accessed 15.12.2021).
- Cohen, J. (1988) *Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 567 p.
- Franks, A. S., Scherr, K. C. (2015) 'Using Moral Foundations to Predict Voting Behavior: Regression Models from the 2012 U.S. Presidential Election', *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 15, pp. 213–232. DOI: 10.1111/asap.12074.
- Frimer, J. A. (2020) 'Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis', *Journal of Research in Personality*, vol. 84, pp. 1–41. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.103906.
- Gel'man, V. (2015) *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Graham, J., Haidt, J., Koleva, S., Motyl, M., Iyer, R., Wojcik, S., Ditto, P. H. (2013) 'Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism', *Advances in experimental social psychology*, 47, pp. 55–130. DOI: 10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4.
- Graham, J., Haidt, J., Motyl, M., Meindl, P., Iskiwitsch, C., Mooijman, M. (2018) 'Moral Foundations Theory in Gray, K., Graham, J. (Eds.), *Atlas of Moral Psychology*. The Guilford Press, New York, London, pp. 211–222.
- Graham, J., Haidt, J., Nosek, B. A. (2009) 'Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations', *Journal of Personality and Social Psychology*, 96, pp. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141.
- Graham, J., Nosek, B. A., Haidt, J., Iyer, R., Koleva, S., Ditto, P. H. (2011) 'Mapping the Moral Domain', *Journal of Personality and Social Psychology*, 101, pp. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847.
- Hecke, T. V. (2012) 'Power study of ANOVA versus Kruskal-Wallis test', *Journal of Statistics and Management Systems*, 15, pp. 241–247. DOI: 10.1080/09720510.2012.10701623.
- Hopp, F. R., Fisher, J. T., Cornell, D., Huskey, R., Weber, R. (2020), 'The Extended Moral Foundations Dictionary (eMFD): Development and Applications of a Crowd-Sourced Approach to Extracting Moral Intuitions from Text', *Behavior Research Methods*, 53(1), pp. 232–246. DOI: 10.3758/s13428-020-01433-0.
- Hunter, J. D. (1991) *Culture wars: The struggle to define America*. New Davison York: Basic Books.
- Kertzer, J. D., Powers, K. E., Rathbun, B. C., Iyer, R. (2014) 'Moral Support: How Moral Values Shape Foreign Policy Attitudes', *The Journal of Politics*, 76 (3), pp. 825–840. DOI: 10.1017/S0022381614000073.
- Kivikangas, J. M., Fernández-Castilla, B., Järvelä, S., Ravaja, N., Lönnqvist, J.-E. (2021) 'Moral foundations and political orientation: Systematic review and meta-analysis', *Psychological Bulletin*, 147(1), pp. 55–94. DOI: 10.1037/bul0000308.
- Koleva, S. P., Graham, J., Iyer, R., Ditto, P. H., Haidt, J. (2012), 'Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes', *Journal of Research in Personality*, 46, pp. 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.01.006.
- Krippendorff, K. (2004) *Content analysis: an introduction to its methodology*. Sage, Thousand Oaks, CA.
- Milesi, P. (2017) 'Moral Foundations and Voting Intention in Italy', *Europe's Journal of Psychology*, 13, pp. 667–687.
- Pennebaker, J. W., Booth, R. J., Boyd, R. L., Francis, M. E. (2015) *Linguistic Inquiry and Word Count: LIWC2015*. Pennebaker Conglomerates, Austin, TX.
- Proksch S.-O., Slapin J. B. (2012) 'Institutional foundations of legislative speech', *American Journal of Political Science*, 56 (3), pp. 520–537. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2011.00565.x.
- Silver, J. R., Silver, E. (2017) 'Why are conservatives more punitive than liberals? A moral foundations approach', *Law and Human Behavior*, 41, pp. 258–272. DOI: 10.1037/lhb0000232.

Tomczak, M., Tomczak, E. (2014) 'The need to report effect size estimates revisited. An overview of some recommended measures of effect size', *Trends in Sport Sciences*, 21, pp. 19–25.

Yılmaz, O., Sarıbay, S. A., Bahçekapılı, H. G., Harma, M. (2016) 'Political orientations, ideological self-categorizations, party preferences, and moral foundations of young Turkish voters', *Turkish Studies*, 17, pp. 544–566.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

FEATURES OF THE USE OF MORAL LANGUAGE BY DEPUTIES OF THE STATE DUMA FACTIONS: AN EMPIRICAL ASSESSMENT BASED ON CONTENT ANALYSIS

K. A. Sulimov, O. A. Sychev, K. I. Belousov

K. A. Sulimov, Candidate of Political Science, Head of the Department of Political Science, Perm State University.

E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135).

O. A. Sychev, Cand. Sc. (Psychol.), senior researcher of the Research Department, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy.

E-mail: osn1@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0373-6916).

K. I. Belousov, D. Sc. (Philolog.), professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University.

E-mail: belousovki@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4447-1288).

Abstract

The results of a study of the features of the use of moral language by deputies of various factions of the State Duma are presented. The conceptual basis of the study was the moral foundations theory developed in the USA, which reveals the difference between the moral foundations of conservative and liberal political ideology. Along with the main provisions of the theory, the features of the Russian political and ideological space and political practice, which limit the possibilities of its application in Russia, are considered in detail. The texts of all deputies' speeches of the State Duma of the 4th–7th convocations were processed by computer content analysis using the moral foundations dictionary in the LIWC2015 program. The results of the analysis showed that in the speeches of the "United Russia" parliamentary faction much more often (in comparison with other factions) the language of the moral foundation "Authority" is used. This fact reflects its "administrative" conservatism, which expresses the peculiarities of its political and administrative status as a "party of power". Generally, the parties represented in the Duma gravitate more toward "binding" (group-centric) rather than "individualising" moral foundations, which corresponds to stereotypical ideas about the important role of these values in the Russian context. The results of the study indicate the promise of the approach based on the moral foundations theory to the study of socio-political discourse using computer content analysis of moral language.

Keywords: deputies; political parties; factions; the State Duma; moral foundations theory; morality; political ideologies and preferences; content analysis.

Acknowledgments:

The research was supported within the grant provided by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-011-00624 "Russia's future: content, rationale and boundaries of national consent".